

УДК 296.66
ББК 86.39

**«Образам св. не поклоняться...»:
восприятие библейского запрета
в культуре русских субботников
XVIII–XIX вв.**

Татьяна Игоревна Хижая

(Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых,
Владимир, Россия)

Кандидат философских наук, ORCID ID: 0000-0003-1846-5060,
доцент, кафедра философии и религиоведения,
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых:
600000, Россия, Владимир, проспект Строителей, 87,
тел.: +7 (4922) 53-25-75, +7 (4922) 47-97-37, +7 (4922) 33-13-91,
E-mail: bobcat64@mail.ru

DOI: 10.31168/2658-3356.2018.9

Аннотация: Одним из главных маркеров русского субботничества был запрет иконопочитания, зафиксированный уже в самых ранних официальных источниках об иудействующих. Следственные дела изобилуют указаниями на «отрицание» икон сектантами. Но кроме малоинформативных стандартных обвинений мы встречаем и более детальные описания иконоборческих представлений и практик «русских евреев». Это были практики отказа от образов – индивидуальные, коллективные, тайные, публичные. Некоторые из них стали специфическими ритуалами «объявления веры» перед церковными и светскими властями. Это были практики поругания икон – также более или менее скрываемые и демонстративные; некоторые из них отличались грубостью и агрессивностью.

Аргументируя важность запрета поклонения иконам, иудаизанты традиционно ссылались на ветхозаветные тексты – Пятикнижие, Псалтирь и книгу Премудрости Соломона. Молокане-субботники в подобных случаях прибегали и к Новому Завету.

Отношение к священным изображениям стало популярной темой полемических бесед между иудействующими и миссионерами в последних десятилетиях XIX в. Попытки миссионеров провести границу между иконами и идолами оказывались тщетными. Субботники не воспринимали аргументы, которые не базировались на цитации священных текстов. А православные,

в свою очередь, не могли в этих условиях полноценно использовать потенциал святоотеческого богословия, раскрывающего сущность христианского поклонения иконам. Их доводы оказывались неактуальными для представителей типичного текстуального сообщества.

Строгий запрет на изображения не исключал в субботнических общинах заместительных практик и практик визуализации. Это замена икон Библией и сакральными надписями, использование картин на ветхозаветные сюжеты, наличие рисунков, изображающих Всевидящее Око, и ритуал почитания изображения Моисея, напоминающий обряд поклонения иконе в православии.

Ключевые слова: *иудействующие, субботники, Моисеев закон, иконы, иконоборчество*

Запрет на почитание икон был характерным признаком культуры русских субботников, возникшим, по всей видимости, на первоначальном этапе ее развития. Самое раннее обнаруженное в официальных документах второй половины XVIII в. своеобразное кредо иудействующих звучало так:

Образам св. не поклоняться, – они <...> суть идолы; в церковь Божию не ходить, не исповедываться и св. тайн не причащаться, а веровать Богу духом, исповедываться и приобщаться чтением псалмов <...> читать перед начатием есть: Се ныне благословите Господа, а по окончании: хвалите Господа вси языцы – до конца; свиного мяса не есть, субботу почитать, а воскресенье не почитать, затем, что оно установлено по новой благодати; крестов на себе не носить [Былов 1890, 151–152].

С этим текстом непосредственно перекликается другой источник, обнаруженный, как и первый, в материалах архива Воронежской духовной консистории, датируемых 1765 г. В нем говорится о трех жителях Тамбовской губернии (в том числе знаменитом Семене Уклеине – организаторе молоканства), которые

на основании Библии и других книг толковали: «в церковь не ходить, св. образам не поклоняться, исповеди и св. тайн не принимать, крестного знамения на себе не изображать, а веровать Богу духом, свиного мяса не есть» [Былов 1890, 149].

Мы видим, что в документах прослеживается дискурс «духовной» веры, противопоставляемой доктрине, таинствам и символам православной Церкви, а запрет на поклонения иконам стоит на первых позициях. Так начиналась история субботничества или, по крайней мере, той его части¹, которая зародилась в недрах «духовного христианства»² – широкого антицерковного движения, появившегося в России в XVIII в. и имеющего некоторые типологически близкие европейскому протестантизму признаки [Иникова 1998, 84; Смилянская 2003, 281, 310, 325]. Представителям «духовного христианства» – духоборцам и молоканам – были свойственны рассуждения о поклонении Богу «в духе и истине», а отрицание внешней обрядности, особенно икон, отождествляемых с идолами, стало одним из главных принципов нового религиозного движения.

В России еще с начала XVIII в. проблема иконопочитания приобретает для православной Церкви особенное значение, оказавшись в центре полемики с западной Реформацией и с «доморощенными» российскими «люторами» и «кальвинами», отрицавшими иконы [Смилянская 2003, 216]. Термины «иконоборство», «иконоборец» становятся обычными для церковного и следственного дискурса этой эпохи при характеристике так называемых протестантствующих, а проблематика защиты икон актуализируется в полемических трудах XVIII в., авторами которых становятся не только духовенство, но и миряне [Дмитрий 1824; Посошков 1895–1905]. Критика народного почитания святынь (икон, мощей, крестов) способствовала рождению нового типа религиозности «духа и истины», характерной для формирующихся неортодоксальных конфессиональных групп.

Иконоборчество молокан-субботников 60-х гг. XVIII в., которые и составили первую зафиксированную в официальных источниках

¹ Речь идет о молоканах-субботниках – одном из течений движения иудействующих. Я придерживаюсь концепции гетерогенной природы субботничества, которое, предположительно, развивалось не из одного источника, а из двух (или нескольких). Этим можно объяснить наличие разных направлений внутри движения [Хижая 2007, 31–56].

² «Духовными христианами» называли себя духоборцы и молокане. Термин «духовное христианство» был принят дореволюционной наукой для обозначения этих течений и широко используется в историографии XX–XXI вв. [Рындзюнский 1954, 159, 169–170, 174, 178, 186–187; Клибанов 1977, 230; Буянов 2014, 3–15; Семенов 2001, 6, 15, 49].

общину иудействующих [Кац 2002, 110], было унаследовано ими от движения «духовных христиан», иногда отождествляемого с российской Реформацией. В этом религиозном течении в какой-то момент возникла ориентация на ветхозаветные тексты. На протяжении всей последующей истории русского иудаизмства³ почитание икон приравнялось к кумиролужению, строго запрещенному второй заповедью закона Моисея.

Следственные дела о «жидовствующих» изобилуют указаниями на «отрицание» икон сектантами, которые осуждали православных за «идолопоклонство». Нередко, описывая свои убеждения, иудействующие начинали со ссылок на вторую заповедь закона Моисея и только потом говорили о почитании субботы. Кроме малоинформативных, сделанных в трафаретной форме обвинений мы встречаем и более содержательные описания иконоборческих представлений и практик «русских евреев».

Прежде всего это пренебрежительное отношение к иконам, хранящимся в домах, либо вынесение их оттуда – явное или тайное. В 1827 г. священник села Вертково доносил московскому архиепископу Филарету (Дроздову), что наставником «жидовской секты» в селе «состоит крестьянин Афанасий Абрамов <...> а икон в доме его вовсе нет» [Григорий 1874, 67]. Один из свидетелей по делу владимирского крестьянина «иудейской веры» Абрама Сатина (1860-е гг.) замечал, что в его доме иконы в божнице стояли «без всякого призрения», в пыли. Следующим этапом стал отказ от домашнего содержания икон. Допросы Абрама Сатина показали, что он «иконы в доме имел до страшной недели сего же года, а с того времени ни одной иконы не имеет в доме, так как по 3 книги 26 главы Моисеева учения воспрещено поклонение иконам...» Вынос икон из дома со-

³ Под иудаизмством в современных исследованиях подразумеваются нееврейские по происхождению синкретические религиозные группы и течения, воспринимающие в том или ином объеме «Моисеев закон» и сохраняющие неиудейские верования, представления и практики. Термин «иудаизмты» восходит к греческому *ioudaizein* (*ioudaizein*) и его латинскому эквиваленту *judaizare*, принятому в христианстве для характеристики религиозных явлений, весьма далеких друг от друга, и имевшему стойкую пейоративную окраску [Хижая 2015]. Термин вошел в научный дискурс и применяется для обозначения иудаизирующих религиозных течений, возникших в различные исторические эпохи [Дмитриев 2016; Алексеев 2012, 15; Шпирт 2003]. Он тождествен русскому слову «иудействующие».

проводился объявлением о вере по «Моисееву закону» приходскому священнику. Таким образом, был совершен акт публичного «оглашения» субботника и его семьи [РГАДА. Ф. 1431. Оп. 1. Д. 579 («Дело Владимирской Палаты Уголовного Суда по представлению судебного следователя Судогодского уезда 2-го участка о крестьянине деревни Плохова Смоленской волости Абраме Никонорове Сатине, судимом за исповедание иудейской веры»). 1866–1867]. Л. 15–15об., 34, 89].

Демонстративный отказ сектантов от икон играл роль своеобразного ритуала обнаружения их перед властями. При этом речь идет не только и не столько об индивидуальном поступке (это как раз исключение), сколько о коллективном поведении. Такая модель была характерна для иудаизантов двух периодов в истории XIX в. Во-первых, эпохи Александра I, когда правительство и Церковь обратили пристальное внимание на приверженцев «ветхозаветной веры». Так, например, в 1802 г. субботники села Прасковья Кавказской губернии отдали священнику свои домашние иконы, называя их «кумирами и болванами» [Львов 2011, 88]. В 1816 г. множество жителей двух воронежских сёл объявили приходскому клиру,

что все они не только священников к себе в дома призывать, или к ним приходить и иконам поклоняться не хотят, но и всего Нового Завета отрицаются... [РГИА. Ф. 797. Оп. 2. Д. 8876 («Об иудейской секте в городе Ельце». 1814–1818 гг.). Л. 33].

Так же поступали иудействующие и в правление Александра II, когда наблюдалось массовое отпадение тайных приверженцев «Моисеевой веры» от Церкви. Церемония «оглашения» состояла в том, что субботники приходили к дому священника со своими образами и складывали их там, публично от них отказываясь. Например, в 1867 г. жители села Высоцкого «объявили себя» сначала перед местным священником, представив ему список сектантов, а потом в сельском управлении. Туда они принесли иконы из своих домов. Нечто подобное происходило в других ставропольских сёлах [Г.М. 1875, 541–544]. Такой «порядок» отказа от православия не был исключительной особенностью субботничества: он являлся характерной чертой молоканства различных толков и воспроизводился вплоть до XX в. [Львов 2011, 87–88].

Но «русские израильтяне» не ограничивались личным отречением от икон. Восприятие библейского запрета как абсолютного, сверхценного толкало их на словесную защиту своих убеждений – даже во времена, когда публичные высказывания такого рода были весьма опасными. Известно, например, что в 1828 г. (в эпоху, когда действовали жесткие законы против «жидовской секты») во время беседы миссионера с иудействующими села Горы Московской епархии руководители общины «начали говорить, и много говорили против чествования икон, о наблюдении субботы и проч.» [РНБ ОР. Ф. 37. Д. 39 («О жидовствующих Московской Епархии в селе Горах»). 1828 г. Л. 133–168]. Л. 135]. Заметим, кстати, что вопрос об иконах вновь оказался здесь на первом месте.

Приверженцы «ветхозаветной веры» отваживались даже на проповедь иконоборчества среди православных, иногда сопровождающуюся давлением на последних. Так, один из фигурантов известного «елецкого дела» (1814–1818 гг.) молодой и энергичный сектант Иван Жегулин пытался привить свои взгляды десятилетнему племяннику, отданному ему на воспитание бедной сестрой. Он начал учить мальчика грамоте и привлекать его в свою веру, запретив в первую очередь молиться перед иконами [РГИА. Ф. 797. Оп. 2. Д. 5492. Л. 21]. В деле о московской общине упоминается сельская школа для обучения грамоте, которая была устроена одним из руководителей субботников Кондратом Федоровым. Ее посещали не только дети иудействующих, но и христиан. Выяснилось, что Федоров

не оставляет ... поселять в детях сих понятия о вере противныя православному учению, именно запрещает по крайней мере в доме его поклоняться иконам, как сие подтверждено нам лично одним крестьянским сыном, обучавшимся у него [РНБ ОР. Ф. 37. Д. 39. Л. 164].

В источниках мы встречаем и упоминания о грубых формах иконоборчества, применявшихся последователями «Моисеева закона». Это в первую очередь откровенные насмешки над иконами, которые сочетались у некоторых субботников с резкими инвективами в адрес Христа, Богоматери, святых и самих иконопочитателей. Иногда такие практики поругания имели прозелитическую направленность.

Так, кавказский иудействующий Ефим Гущин во время следствия 1823 г. вел себя крайне вызывающе: поносил христианскую веру,

иконы, святых. Присутствующий при этом священник пытался урезонить подследственного. Но Гущин «в азартности» принялся оскорблять священника, обвиняя его в невежестве [Ливанов 1875, 390–391].

В 1818 г. началось расследование о переходе в «секту иудействующих» однодворцев воронежского села Козловка. Здесь 17 очевидцев утверждали,

что они слышали от подсудимых <...> хулы на божественность Пресвятой Богородицы и Сына Божия, что они поносят иконы и священников и стараются склонить других на свою ересь [РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 421 («О проведении расследования о переходе в секту иудействующих 6 семейств однодворцев села Козловки Бобровского уезда Воронежской губернии». 1825 г. Л. 389–406). Л. 399–400].

Упомянутый Абрам Сатин в 1864 г. с насмешкой сообщил своему родственнику о прибытии в церковь Боголюбского образа Божьей Матери – одной из главных святынь Владимирско-Суздальской епархии: «Ступайте в церковь, встречайте привезенного к вам деревянного Бога» [РГАДА. Ф. 1431. Оп. 1. Д. 579. Л. 34].

Красноречиво в этом отношении поведение иудаизантов из г. Ельца. Его особенностью стала демонстрация крайней враждебности к православию, которая воспринималась окружающими как грубое богохульство. Она заключалась не только в традиционном для субботников отождествлении икон с идолами и обвинении православных в идолопоклонстве. Елецкие купцы Яковлев и Михайлов позволяли себе открытые насмешки над иконами, крестными ходами и их участниками, произносили такие ругательства по отношению к Христу и Богородице, что очевидцы не могли повторить их «из уважения к религии». Сын Бориса Яковлева, указывая на икону святителя Николая, смеялся: «Вот, пронесли вашего Николашку слепого» [РГИА. Ф. 797. Оп. 2. Д. 5492. Л. 20]. Но особенно усердствовал в поношении христианства Жегулин, о чем заявили многочисленные свидетели. Этот ревностный последователь «ветхозаветной веры» с презрением говорил о Христе: «...наши евреи Спасителя вашего драли за волосы и били кулигьями». Он называл Новый Завет «бабьими сплетнями», икону – доской, «написанной бабой», Николая Чудотворца – «однодворцем», а Иоанна Златоуста – «желто-

ухим» [РГИА. Ф. 797. Оп. 2. Д. 5492. Л. 19–29]. Подобная профанация сакрального в отношении икон и изображенных на них святых, проявляющаяся практически в тождественных выражениях, была характерна равно как для вольнодумцев-одиночек, так и для представителей религиозных движений еще в XVIII в. [Смилянская 2003, 263–294], что свидетельствовало о существовании длительной и устойчивой традиции поругания святынь в народной культуре.

От слов некоторые иудействующие готовы были перейти к действиям. Так, в следствии по делу екатеринославских последователей «Моисеева учения» отмечалось, что

один из сей секты, будучи в богоугодном заведении призираем, снял секретно иконы, разломал оныя, бросил в нечистоту, в чем в присутствии Губернского правления сознался, за что и отдан под суд [РГИА. Ф. 1284. Оп. 195. Д. 17 («По донесению исправляющего должность екатеринославского губернатора о субботнике Семене Соколове, приготовляющемся к переселению в Александровский уезд Кавказской губернии и об отце его Осипе Соколове». 1820 г.). Л. 3].

А вот реплика из отчета миссионеров о московской секте, упоминающая субботницу Степаниду Афанасьеву, рассерженную на присоединившихся к православию невестку и внуков:

Самую же сноху оную Кузьмину с меньшею дочерью ея за присоединение к церкви, так теснит Афанасьева в доме, что не дает им с собою есть; и сверх того с поруганием выкинула из избы икону, которую они для себя поставили было [РНБ ОР. Ф. 37. Д. 39. Л. 142–142об.].

Аналогичным было и отношение к кресту, как одному из главных символов христианства, на который распространялся, с точки зрения «русских иудеев», ветхозаветный запрет. Так, елецкий субботник Жегулин, запрещавший племяннику поклоняться иконам, сорвал с него крест. Сами иудействующие крестов не носили или снимали их с себя и с детей, когда начинали явно исповедовать свою веру, о чем свидетельствует, например, дело о владимирских последователях «Моисеева закона» [РГАДА. Ф. 1431. Оп. 1. Д. 579. Л. 13об., 18, 23]. При этом практики насильственного надевания креста на «жидовствующих», аналогичные практикам унижения евреев в простонарод-

ной среде, воспринимались субботниками весьма болезненно. Один из свидетелей по делу владимирских субботников вспоминал:

Случалось мне видеть, что наши малые ребята, играючи с Абрамовыми детьми, смеясь, говорили им: давай крест вам наденем; Абрамовы же дети при этом плакали и убегали к матери [РГАДА. Ф. 1431. Оп. 1. Д. 579. Л. 26].

Аргументируя важность запрета поклонения иконам – и в процессе следствия, и в полемике с православными – иудаизанты традиционно ссылались на ветхозаветные тексты, в первую очередь на Пятикнижие:

Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли; не поклоняйся им и не служи им (Исх 20:4–5);

Не делайте себе кумиров и изваяний, и столбов не ставьте у себя, и камней с изображениями не кладите в земле вашей, чтобы кланяться пред ними, ибо Я Господь Бог ваш (Лев 26:1);

Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху и что на земле внизу, и что в водах ниже земли, не поклоняйся им и не служи им (Втор 5:8–10);

Твердо держите в душах ваших, что вы не видели никакого образа в тот день, когда говорил к вам Господь на Хориве из среды огня, дабы вы не развратились и не сделали себе изваяний, изображений какого-либо кумира, представляющих мужчину или женщину, изображения какого-либо скота, который на земле, изображения какой-либо птицы крылатой, которая летает под небесами, изображения какого-либо гада, ползающего по земле, изображения какой-либо рыбы, которая в водах ниже земли (Втор 4:15–18).

Встречались также ссылки на Псалтирь и книгу Премудрости Соломона:

Идолы язычников – серебро и золото, дело рук человеческих: есть у них уста, но не говорят; есть у них глаза, но не видят; есть у них уши, но не слышат, и нет дыхания в устах их. Подобны им будут делающие их и всякий, кто надеется на них (Пс 134:15–18);

Но более жалки те, и надежды их — на бездушных, которые называют богами дела рук человеческих, золото и серебро, изделия художества, изображения животных, или негодный камень, дело давней руки (Прем 13:10).

Молокане-субботники иногда прибегали к Новому Завету, а именно к тексту Апокалипсиса:

Прочие же люди, которые не умерли от этих язв, не раскаялись в делах рук своих, так, чтобы не поклоняться бесам и золотым, серебряным, медным, каменным и деревянным идолам, которые не могут ни видеть, ни слышать, ни ходить (Откр 9:20).

Этот фрагмент упоминал фигурант «петербургского дела» 1822 г., воронежский крестьянин Ефим Лукьянченков, мировоззрение которого представляло собой удивительный пример совмещения ветхозаветных установок с христианской верой. Размышляя над любимым для всякого иудействующего вопросом о поклонении иконам, он указывал на 9-ю главу Откровения Иоанна Богослова. Увещевавший его по долгу службы священник – крупный ученый, богослов и библиист Г.П. Павский – в донесении петербургскому митрополиту писал:

Имел сомнение о поклонении иконам, которые, по внушению евреев, он готов был почитать идолами деревянными и серебряными, и думал, не о поклонении ли иконам сказано в 9 главе Апокалипсиса в ст. 20 [РГИА. Ф. 1284. Оп. 195. Д. 26 («По отношению министра духовных дел и народного просвещения о еврее Лейбе Клодне и однодворце Ефиме Лукьянченкове, намеревающемся принять еврейский закон». 1822 г.). Л. 256].

На этот стих обычно ссылались для защиты своих убеждений молокане-воскресники. Но и молокане-субботники, признающие авторитет текста Апокалипсиса, усматривали в этом отрывке переключку с соответствующими ветхозаветными цитатами.

Напряженное внимание приверженцев «Моисеева учения» к вопросу об иконах было, с одной стороны, результатом чтения Библии, а с другой – реакцией на то значение, которое придавалось иконопочитанию православными. Базовый запрет в религиозной жизни «жидовствующих» явился зеркальной противоположностью важнейшего предписания, существовавшего в русской православной культуре.

Неслучайно почитание священных изображений стало одной из распространенных тем полемических бесед между иудействующими и миссионерами в последние десятилетия XIX в. Известно, что миссионерская активность Церкви возрастает в третьей четверти XIX столетия [Секирин 2016; Далецкая 2005, 11–12]. В это время, помимо индивидуальных увещаний «заблудших», которые проводили священники, получает широкое распространение новая форма борьбы с сектантством – публичные диспуты. Детальными описаниями споров с «русскими иудеями» полна миссионерская литература этого периода. Миссионерские заметки, дневники, отчеты относятся к достаточно содержательным и относительно объективным источникам изучения мировоззрения «жидовствующих». Успехи проповедников, естественно, отмечаются там довольно часто, но аргументация полемизирующих сторон передана вполне адекватно. Особенно ценным памятником в этом отношении является дневник ставропольского миссионера Симеона Никольского [Никольский 1896]. Это подробнейший документ, напоминающий дневник полевого исследователя; в нем отсутствуют примеры эффектных побед священника в спорах с субботниками, а случаи обращения их в православие описываются чрезвычайно редко.

Анализ подобной литературы демонстрирует, что старания проповедников провести в процессе диспутов границу между иконами и идолами оказывались тщетными. Иудействующие не воспринимали аргументы, которые не базировались на цитации священных текстов, что было характерной чертой народной религиозности. Просто логическое рассуждение их не трогало совершенно. Попытки объяснить разницу между христианскими иконами и идолами древности при помощи рациональных доводов не имели успеха: последователи «Моисеева закона» были уверены, что Библия обращена непосредственно к ним, а не просто описывает то, что было когда-то. При этом усилия миссионеров строго следовать ветхозаветным текстам в ходе полемики наталкивались на трудности. Нередко ход беседы был таким. Сначала сектанты читали соответствующие фрагменты Библии, акцентируя внимание на запрещенности изображения, рукотворности идолов и их бесчувственности. Вывод из прочитанного звучал так: все рукотворное проклято. В ответ миссионер называл древние святыни, которые благословил сам Бог: скинию, изображе-

ния херувимов, жертвенник, храмовые светильники и т.п. Субботники соглашались. Миссионер, развивая мысль, заключал, что предписание о почитании сакральных предметов было дано Богом на вечные времена. «Жидовствующие» возражали: теперь этого не нужно соблюдать (что, кстати, было зеркальным отражением аргументации православных, отвергающих необходимость следования ветхозаветным заповедям). Священник парировал: не соблюдающий библейские постановления подпадает под проклятие. Крестьяне протестовали: это проклятие не Бога, а человека (подразумевая пророка Моисея). Их оппонент уточнял: Моисей действовал по внушению Святого Духа. Слушатели принимали этот довод, но замечали, что пророк проклинал евреев за кумиропочитание, а не за неимение рукотворных образов. Проповедник отвечал: проклятие накладывается не за несоблюдение одной только заповеди, а за игнорирование и других, в том числе и за невыполнение предписаний о храме. Далее разговор переносился в плоскость того, что храм был разрушен и потому заповеди, его касающиеся, невыполнимы...

Неоднократно в ходе бесед миссионеры настаивали на сопоставлении икон с реликвиями, упоминаемыми в Библии. Иконы, говорили они, имеют неземную силу подобно силе ковчега и медного змия. Священные предметы не называются богами в отличие от идолов, которые бессильны. При этом проповедники фактически ссылались на орос Седьмого Вселенского собора: «ибо честь, воздаваемая образу, восходит к первообразу, и поклоняющийся иконе поклоняется ипостаси изображенного на ней» [Карташев 1994, 501]. Язычники же оказывали честь самому идолу. Нравственные последствия почитания идолов были губительны для избранного народа, в то время как за почитание херувимов и медного змия евреи получали благословение и исцеление. Через идолов осуществлялось общение с бесами, через святыни – богообщение. Вышеприведенные рассуждения представляли собой разработанную, изощренную аргументацию, базирующуюся на обильной цитации Библии и отчасти (скрытно, разумеется) на святоотеческом богословии (трудах прп. Иоанна Дамаскина, римского папы Григория II и др.).

Субботники интересовались: как можно изображать Бога, если он невидим? Этот вопрос воскрешал известные споры об изобразимости Божества в Византии эпохи иконоборчества. Поэтому право-

славные прибежали к аргументации прп. Феодора Студита: иконы изображают не природу Бога, а Его явления миру, то есть библейские сюжеты. Тогда сектанты задавали вопрос: почему же в эпоху Ветхого Завета был ковчег и другие святыни, но не было изображений Бога? Здесь, в соответствии с богословием иконы, священнику следовало бы развивать тему боговоплощения: говорить о том, что в Ветхом Завете Бог еще не воплотился и потому не был изображим, и лишь вочеловечение Христа стало основанием для Его изображения. Но священник замолчал по понятным причинам: подобные рассуждения были совершенно бесполезными в спорах с иудаизантами, апеллировавшими исключительно к священному для них тексту [Никольский 1896, 153–160; Гусаков 1889а, 461–468; Гусаков 1889б, 497–505; Попов 1899, 9–14].

Спор об образах практически всегда заходил в тупик. Встречались случаи, когда субботники в ходе полемики колебались в своем отношении к личности Христа [Попов 1899, 9; Э.Я. 1896, 51–52], но в вопросе об иконах они не шли ни на какие уступки. Миссионер попадал в сложное положение: опираясь лишь на тексты Библии, невозможно было представить аудитории высокое восточнохристианское богословие иконы. А использовать богатый потенциал патристики, раскрывающей сущность иконопочитания, различающей понятия «латриа» и «проскинесис» [Дворкин 2014, 581], было бесполезно: «русские евреи» оказывались совершенно невосприимчивыми к подобным доказательствам. Отсюда – бесплодность дискуссий об иконах. Потенциальные аргументы православных борцов с сектантством были не актуальными для иудействующих – представителей типичного текстуального сообщества [Львов 2011, 94–96].

Отсутствие изображений компенсировалось в субботнических общинах заместительными практиками. Особое значение придавалось в жилищах иудействующих красному углу. Как и в домах православных, он играл здесь роль сакрального центра. Но если христиане традиционно помещали в этом месте иконы, то во время сектантских молений в переднем углу крестьянской избы обычно находились Библия или Псалтирь. Иногда это было просто пустое пространство, символически отгороженное занавеской.

В домах московских субботников можно было увидеть на стенах заповеди Декалога:

Моления совершают и (каждый) в своих домах, в которых у всех в переднем углу, вместо наших икон, лежат библии или псалтири; а у крестьян Горскаго Прохора Титова и Стреповского Ефрема Пантелеева на стене, впереди, прибиты написанные на листе 10-ть заповедей [РНБ ОР. Ф. 37. Д. 39. Л. 159об.–160].

К практикам визуализации, не искорененным строгим библейским запретом, можно отнести наличие в сообществах «русских израильтян» «альтернативных» изображений. Это могли быть книги с картинками и рисунками, посвященными ветхозаветным сюжетам. Известный этнограф В. Майнов, изучавший жизнь южнорусской общины «жидовствующих», сообщает о наличии практически в каждом жилище изображений Моисея «в разные моменты его жизни». Чаще всего они были взяты из книги, названной наблюдателем как «Священная история в картинах»⁴ [Майнов 1872, 249]. О наличии некоей картины «с иностранной надписью» во время сектантских богослужений писал автор очерка о последователях «Моисеева закона» в Воронежской губернии [Е. – в. 1877, 283].

Интересные сведения дает нам записка статистика и этнографа А.И. Артемьева, участника Саратовской статистической экспедиции (1855 г.). Он пишет о местных субботниках:

...у иных же бывают листы, на которых изображено Всевидящее Око, между двух рядов светильников, а внизу написаны 10 заповедей, или глава XX книги Исхода [РНБ ОР. Ф. 37. Д. 273 («Краткая записка о современном положении раскола в Саратовской губернии». 1855 г.). Л. 36об.]

Наконец, В. Майнов зафиксировал в описанной им общине иудействующих ритуал почитания изображения Моисея, напоминающий обряд поклонения иконе в православии. Исследователь сообщил о наличии в переднем углу субботнических домов «лондонской гравюры» – «Моисей при горьких источниках с трисиянием». На вопрос ученого о происхождении такого обычая хозяева отвечали, что делается это «из уважения к Моисею», который настолько угодил Богу, что стал посредником между Богом и людьми. Карти-

⁴ Это могла быть иллюстрированная книга А.А. Агина «Ветхий Завет в картинах» (СПб., 1846) или детская Библия с произведениями известных итальянских художников (Краткая Священная история Ветхого и Нового Завета, в назидание детей. М., 1820).

ну, по наблюдению исследователя, тщательно обтирали от пыли и целовали. К своеобразной иконе прикладывался один из членов семьи перед домашним чтением Священного Писания, а после чтения – вся семья [Майнов 1872, 249–250].

Мы видим, что известный библейский запрет на изображения оказался для субботников наиважнейшим принципом жизни, на котором базировались их иконоборческие представления и разнообразные практики.

Это были практики отказа от образов (и крестов) – индивидуальные, коллективные, тайные, публичные. Некоторые из них стали специфическими ритуалами «объявления веры» перед церковными и светскими властями. Это были практики поругания икон – также более или менее скрываемые и демонстративные. Грубые формы иконоборчества были вызваны, вероятно, особенностями простонародного почитания святынь, напоминавшего сектантам языческие культы.

Резко отрицательный взгляд последователей «Моисеева закона» на иконы ничем нельзя было поколебать; тщетными здесь оказывались всевозможные усилия миссионеров. Синкретизирующий характер представлений субботников, обращающих порой благосклонное внимание на книги Нового Завета, в данном вопросе не давал никаких оснований для компромисса. Это объяснялось тем, что «жидовствующие» были текстуальным сообществом, а концентрация внимания исключительно на библейском тексте (ветхозаветном или пусть даже новозаветном), учитывая особенности крестьянской интерпретации Священного Писания, сама по себе не давала оснований для иконопочитания.

Полемика между миссионерами и иудействующими отчасти напоминала споры между иконоборцами и иконопочитателями в Византии VIII–IX вв., однако большая часть аргументов последних не могла быть актуализирована в антисектантских беседах XIX в.

Обостренное внимание русских простолюдинов ко второй заповеди закона Моисея не исключало заместительных практик и практик визуализации, свойственных эйконоцентризму, который, по мнению С.С. Аверинцева, является парадигмой русской культуры и, как это ни парадоксально, может быть обнаружен в культуре еврейской [Аверинцев 2000, 8–12].

Литература и источники

- Аверинцев 2000 – *Аверинцев С.С.* Григорий Турский и «Повесть временных лет», или о несходстве сходного // Другие средние века. К 75-летию А.Я. Гуревича / Сост. И.В. Дубровский, С.В. Оболенская, М.Ю. Парамонова. М.; СПб., 2000. С. 6–12.
- Алексеев 2012 – *Алексеев А.И.* Религиозные движения на Руси последней трети XIV — начала XVI в.: стригольники и жидовствующие. М., 2012.
- Буянов 2014 – *Буянов Е.В.* Вероучение и течения духовных христиан молокан // Религиоведение. 2014. № 4. С. 3–15.
- Былов 1890 – *Былов М.* Раскол в Воронежской епархии при епископе Тихоне (Святителе) // Воронежские епархиальные ведомости. 1890. № 4. С. 146–154.
- Г.М. 1875 – *Г.М.* Секта жидовствующих // Домашняя беседа. 1875. Вып. 18. С. 541–550.
- Григорий 1874 – *Григорий, архим.* Появление жидовствующих в Московской губернии и меры к прекращению этой секты в 1827 году // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. Кн. 2. М., 1874. С. 67–75.
- Гусаков 1889а – *Гусаков М.* Выписка из путевого журнала протоиерея Михаила Гусакова по обозрению сектантства в 1887 г. // Астраханские епархиальные ведомости. 1889. № 10. С. 454–468.
- Гусаков 1889б – *Гусаков М.* Выписка из путевого журнала протоиерея Михаила Гусакова по обозрению сектантства в 1887 г. // Астраханские епархиальные ведомости. 1889. № 11. С. 497–510.
- Далецкая 2005 – *Далецкая В.Ю.* Политика российского государства и церкви в отношении сектантов в XVIII–XIX веках. Дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. М., 2005.
- Дворкин 2014 – *Дворкин А.Л.* Очерки по истории Вселенской Православной Церкви. Нижний Новгород, 2014.
- Дмитриев 2016 – *Дмитриев М.В.* От антииудаизма к иудаизантизму в православной культуре Востока Европы в конце XV–XVI вв. // *Polystoria*. Цари, святые, мифотворцы в средневековой Европе / Отв. ред. М.А. Бойцов, О.С. Воскобойников. М., 2016. С. 207–264.
- Дмитрий 1824 – *Дмитрий, митр. Ростовский и Ярославский.* Розыск о раскольнической брынской вере, о учении их, о делах их. М., 1824.
- Е. – в. 1877 – *Е. – в.* Секта последователей Моисеева закона или иудействующих в Воронежской губернии // Воронежские епархиальные ведомости. 1877. № 9. С. 268–284.
- Иникова 1998 – *Иникова С.А.* Проблемы этноконфессиональных групп духоборцев и молокан // Фактор этноконфессиональной самобытности в постсоветском обществе / Отв. ред. М.Б. Олкотт, А.М. Малашенко. М., 1998. С. 84–104.
- Карташев 1994 – *Карташев А.В.* Вселенские соборы. М., 1994.
- Кац 2002 – *Кац Е.* Об источниках происхождения общин иудействующих в России // Материалы Десятой ежегодной международной междисциплинарной

- конференции по иудаике. Вып. 12. Ч. 2 / Ред. К. Бурмистров, Р. Капланов, В. Мочалова. М., 2002. С. 108–127.
- Клибанов 1977 – *Клибанов А.И.* Народная социальная утопия в России. Период феодализма. М., 1977.
- Ливанов 1875 – *Ливанов Ф.В.* Раскольники и острожники. Т. 5. М., 1875.
- Львов 2011 – *Львов А.Л.* Соха и Пятикнижие. Русские иудействующие как текстуральное сообщество. СПб., 2011.
- Майнов 1872 – *Майнов В.* Странная секта // Сборник «Неделя». Русские общественные вопросы. СПб., 1872. С. 230–253.
- Никольский 1896 – *Никольский С., свящ.* Отчёт ставропольского епархиального противусектантского миссионера. Ставрополь, 1896.
- Попов 1899 – *Попов С., свящ.* Две беседы с суботниками помощника миссионера Псковской епархии, ключаря Псковского кафедрального собора, священника Симеона Попова. Псков, 1899. С. 1–15.
- Посошков 1895–1905 – *Посошков И.Т.* Зеркало очевидное. Ред. полная / Изд. А. Царевский. Вып. 1–2. Казань, 1895–1905.
- РГАДА – Российский государственный архив древних актов (Москва).
- РГИА – Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург).
- РНБ ОР – Российская национальная библиотека. Отдел рукописей (Санкт-Петербург).
- Рындзюнский 1954 – *Рындзюнский П.Т.* Антицерковное движение в Тамбовском крае в 60-е годы XVIII в. // Вопросы истории религии и атеизма. М., 1954. С. 154–193.
- Секирин 2016 – *Секирин А.А.* Миссионерская деятельность Русской Православной Церкви и церковная политика в отношении сектантства и старообрядчества во второй половине XIX века // Исторические исследования: материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Казань, май 2016 г.). Казань, 2016. С. 67–71.
- Семенов 2001 – *Семенов И.Я.* История закавказских молокан и духоборов. Ереван, 2001.
- Смилянская 2003 – *Смилянская Е.Б.* Волшебники. Богохульники. Еретики. Народная религиозность и «духовные преступления» в России XVIII в. М., 2003.
- Хижая 2007 – *Хижая Т.И.* Движение иудействующих в России (XVIII – начало XX в.). Дис. на соискание уч. ст. канд. философ. наук. СПб., 2007.
- Хижая 2015 – *Хижая Т.* Иудействующие в истории: «средний путь богопочтения»? (К вопросу о содержании термина «иудействующие») // Труды по еврейской истории и культуре. Материалы XXII Международной ежегодной конференции по иудаике. Вып. 52 / Отв. ред. В.В. Мочалова. М., 2015. С. 153–170.
- Шпирт 2003 – *Шпирт А.М.* Ф. Социн, «иудаизантизм» и иудаизм: о «своем» и «чужом» в польской радикальной реформационной мысли 2-й половины XVI в. // Свой или чужой? Евреи и славяне глазами друг друга / Отв. ред. О.В. Белова. М., 2003. С. 105–131.
- Э.Я. 1896 – *Э.Я.* Миссионерство, секты и раскол (хроника) // Миссионерское обозрение. 1896. № 2. С. 51–52.

**«No Worshipping the Images of Saints...»:
the Perception of the Biblical Prohibition
in the Culture of the Russian Subbotniks
in the 18th–19th Centuries**

Tatyana Khizhaya

(Vladimir State University, Vladimir, Russia)

PhD (Philosophy), ORCID ID: 0000-0003-1846-5060, Associate professor,
Department of Philosophy and Religious Studies, Vladimir State University
named after Alexander and Nikolay Stoletovs, 87, prospekt Stroiteley, Vladimir, 600000, Russia,
tel.: +7 (4922) 53-25-75, +7 (4922) 47-97-37, +7 (4922) 33-13-91, E-mail: bobcat64@mail.ru

Summary: One of the main markers of the Russian Subbotniks movement was the prohibition of icon-worship, mentioned in the earliest official sources about the Judaizers. Case investigations reflected in the archival documents bristle with information about rejection of icons by sectarians. But besides these uninformative stereotype accusations, we also find more detailed descriptions of iconoclastic ideas and practices of the «Russian Jews». These were diverse practices – individual, collective, secret, public – of rejecting images. Some of them became specific rituals of revealing followers of «Mosaic Law» to the church and secular authorities. These were practices of desecration of icons – also more or less concealed and demonstrative; some of them were harsh and aggressive. Proving the importance of the prohibition of the icon worship, the Judaizers traditionally referred to the Old Testament texts – i.e. the Pentateuch, the Book of Psalms and Book of Wisdom. The Molokan-Subbotniks in similar cases used the New Testament as well.

The attitude to the sacred images became a popular subject of disputes between the Judaizers and missionaries in the last decades of the 19th century. The efforts of the missionaries to distinguish between icons and idols were in vain. The Subbotniks did not accept arguments that were not based on the quotes from the sacred texts. And the Orthodox Christians priests, in turn, could not adequately use the potential of patristic theology, revealing the essence of Christian worship of icons. Their arguments turned out to be irrelevant for representatives of a typical textual community.

Strict prohibition of icon-worship did not exclude substitute and visualization practices in the Subbotnik communities. These were the replacing of icons by the Bible and sacred inscriptions, the use of paintings of the Old Testament subjects as well as drawings depicting the All-Seeing Eye and the ritual of venerating the image of Moses, reminiscent of the worship of the icon in the Orthodox Christianity.

Keywords: *Judaizers, Subbotniks, Mosaic Law, icons, iconoclasm*

References:

- Averintsev S.S.* Grigoriĭ Turskiĭ i "Povest vremennykh let", ili o neskhodstve skhodnogo // *Drugie srednie veka. K 75-letiiu A.Ia. Gurevicha* / Ed. by I.V. Dubrovskiy, S.V. Obolenskaya, M.Yu. Paramonova. Moscow; St. Petersburg, 2000. P. 6–12.
- Alekseev A.I.* Religioznye dvizheniia na Rusi poslednei treti XIV — nachala XVI v.: strigol'niki i zhidovstvuiushchie. Moscow, 2012.
- Buyanov E.V.* Verouchenie i techeniia dukhovnykh khristian molokan // *Religiovedenie*. 2014. No. 4. P. 3–15.
- Dmitriev M.V.* Ot antiudaizma k iudaizantizmu v pravoslavnoi kul'ture Vostoka Evropy v kontse XV–XVI vv. // *Polystoria. Tsari, sviatye, mifotvortsy v srednevekovoi Evrope* / Ed. by M.A. Boytsov, O.S. Voskoboinikov. Moscow, 2016. P. 207–264.
- Dvorkin A.L.* Ocherki po istorii Vselenskoĭ Pravoslavnoi Tserkvi. Nizhniy Novgorod, 2014.
- Inikova S.A.* Problemy etnokontsionalnykh grupp dukhobortsev i molokan // *Faktor etnokontsionalnoi samobytnosti v postsovetskom obshchestve* / Ed. by M.B. Olkott, A.M. Malashenko. Moscow, 1998. P. 84–104.
- Kartashev A.V.* Vselenskie sobory. Moscow, 1994.
- Kats E.* Ob istochnikakh proiskhozhdeniia obshchin iudeĭstvuiushchikh v Rossii // *Materialy Desiatoi ezhegodnoi mezhdunarodnoi mezhdistsiplinarnoi konferentsii po iudaĭke*. Iss. 12. Part 2 / Ed. by K. Burmistrov, R. Kaplanov, V. Mochalova. Moscow, 2002. P. 108–127.
- Khizhaya T.* Iudeĭstvuiushchie v istorii: "srednii put' bogopochtenii"? (K voprosu o soderzhanii termina "iudeĭstvuiushchie") // *Trudy po evreĭskoi istorii i kul'ture. Materialy XXII Mezhdunarodnoi ezhegodnoi konferentsii po iudaĭke*. Iss. 52 / Ed. by V.V. Mochalova. Moscow, 2015. P. 153–170.
- Klibanov A.I.* Narodnaia sotsialnaia utopiia v Rossii. Period feodalizma. Moscow, 1977.
- Lvov A.L.* Sokha i Piatiknizhie. Russkie iudeĭstvuiushchie kak tekstualnoe soobshchestvo. St. Petersburg, 2011.
- Ryndzyunskiy P.T.* Antitserkovnoe dvizhenie v Tambovskom krae v 60-e gody XVIII v. // *Voprosy istorii religii i ateizma*. Moscow, 1954. P. 154–193.
- Sekirin A.A.* Missionerskaia deiatel'nost Russkoĭ Pravoslavnoi Tserkvi i tserkovnaia politika v otnoshenii sektantstva i staroobriadchestva vo vtoroi polovine XIX veka // *Istoricheskie issledovaniia: materialy IV Mezhdunar. nauch. konf.* (g. Kazan, mai 2016 g.). Kazan, 2016. P. 67–71.
- Semenov I.Ya.* Istoriiia zakavkazskikh molokan i dukhoborov. Yerevan, 2001.
- Shpirt A.M.* F. Sotsin, "iudaizantizm" i iudaizm: o "svoem" i "chuzhom" v pol'skoi radikal'noi reformatsionnoi mysli 2-ĭ poloviny XVI v. // *Svoi ili chuzhoi? Evrei i slaviane glazami drug druga* / Ed. by O.V. Belova. Moscow, 2003. P. 105–131.
- Smilyanskaya E.B.* Volshebnyki. Bogokhul'niki. Eretiki. Narodnaia religioznost i "dukhovnye prestupleniia" v Rossii XVIII v. Moscow, 2003.